

О племяннике Фомке

Первый урок назначен в следующее утро, и приказано ученику явиться часа за два до света. Тороватый племянник, пододевшись на легкую руку, не преминул исполнить повеление и выступил с учителем своим на подвиг. Шедши мимо де^рева, увидели они на оном сидящую на яйцах в гнезде сороку: "Вот учись, -- сказал дядя, -- надобно украсть из-под сороки яйца, чтоб она того не слыхала. Полезай, а я буду тебя поправлять в ошибках". -- "Нет, дядюшка, -- отвечал он, -- ты должен мне показать сию хитрость, а я стану присматриваться твоему проворству". Дядя согласился и полез на дерево. Племянник (которого звали Фомкою) между тем весьма искусным образом облупил у дядиных сапогов подошвы и снял с него портки, так что он ничуть сего не почувствовал. Вор, украв яйца, опустился. "Вот, Фомка! Так-то учись, -- сказал он племяннику, -- сорка не слыхала, как я подобрал яйца". -- "А ты, дядюшка, не слыхал, как с тебя портки сняли и обрезали у сапогов подошвы", -- говорил племянник, показывая ему оные. Вор удивился. "Ну, друг мой! -- сказал он, -- ученого учить, лишь портить. Я вор славный, а ты преславный: лучше будь ты мне не ученик, а товарищ". Итак, заключа с ним договор вместе воровать, пошли домой.

Проходя лес, увидели они крестьянина, ведущего на веревке корову. "Вот добрая говядинка, -- сказал дядя. -- Если б можно, отведал бы этого мясца". -- "А для чего ж не можно, -- спросил племянник. -- Я украду корову". -- "Вот какой вздор, -- сказал дядя, -- можно ли из рук у мужика украсть ее!" -- "Посмотри только", -- молвил Фомка и тотчас, скинув с себя новый сапог, обмарал оный калом и, забежав вперед мужика, бросил на дороге, а сам, спрятавшись за куст, примечал, что мужик с сапогом сделает. Который, нашед на оный, хотел было поднять, но, обмарав руку, бросил, и продолжал путь. Фомка, скинув другой сапог, забежал еще вперед, также бросил на дороге. Крестьянин, нашед еще сапог, сказал: "Э! Как жаль, что я не поднял сапога, вот ему пара; однако вернусь, он лежит недалеко". Итак, привязав корову к дереву, побежал назад. А Фомка между тем проводил корову в сторону, где оную с помощью дяди убил и, облупя кожу, набил ее травой и, занеся в болото, неподалеку от дороги находившееся, втоптал в трясину, оставя наруже только хвост, где дяде своему велел прореветь несколько раз коровую.

Мужик, нашедши сапоги, потерял корову. Он не думал, чтоб оную украли, а считал, что она, отвязавшись, забрела в лес. Почему пошел искать, однако

долго ходил и кликал понапрасну, ибо в то время содрали уже с нее кожу и набивали травой. Исправясь же, дядюшка Фомкин из куста в болоте начал мычать коровою. Мужик, услышав голос сей, бросился к тому месту и, увидев хвост, кричал: "Эк тебя чёрт куда занес проклятую". Но, придя и потянув за хвост, нашел не корову, а родимое ее платице, набитое травой. Горе его было велико, но нечем пособить. Он взял кожу и побрел домой, а дядюшка с племянничком, разделя добычу, кушали за здоровье его говядину.

Фомке скоро случилось быть праздну, и для того, пришед к дяде, звал он его на промысел. "Куды же ты думаешь? -- сказал дядя, -- я не ведаю, где бы нам пошататься". Фома, подумавши, вскричал: "Постой! Я вздумал сделать шутку с соседним дворянином". -- "Какую?" -- спросил он. "Я, -- отвечал Фомка, -- украду ночью с него и с жены его рубашки и утащу из-под них постель". -- "Вот какую небылицу болтаешь ты, -- говорил дядя, -- сходно ли с разумом из-под живых людей унести постель и снять с них рубашки?" -- "Ты увидишь, что я не лгу", -- молвил Фомка и пошел на промысел. Прибыв в дом того дворянина, вошел в хоромы, неся с собой целый горшок квасной гущи. Вступя в передспальню, спавших в оной двух девок сшил ниткою очень крепко за косы, и так оставя оных, вшел в спальню и вылил гущу между дворянином и женою его. Потом, спрятавшись за печку, дожидался начала комедии. Дворянин, повернувшись, ощупал нечто сходствующее на свиной конфет, коим у него и у жены его были вымараны рубашки, и, кроме того, между ними находилось одного довольно количество. Он счел, что либо сам или жена его сей грех учинила. "Девки, девки!" -- вскричал он, как бешеный, растолкал жену, харкал, плевал, вскочил с постели. Девки, услыша зов, хотели встать, но, будучи сшиты косами, столкнулись друг с другом и упали на пол. Связанные их косы тянули исправно их волосы. Девки спросонья сочли, что подруга ее с умыслу за косу тянет. Вдруг вцепились они обе друг другу в волосы и начали драку с криком. Опачканный дворянин, не дождавшись девок, сбросил с себя рубашку и выскочил нагой разнимать девок. Барыня равномерно в том ему последовала. Фомка, дав им свободу судить, мирить и тузить, выбросил постелью и рубашки в окно, куда и сам отправился. Он к великому удивлению дяди своего принес добычу.

По прекращении ссоры дворянин крайне изумился, не найдя в толь короткое время постели своей и скинутых рубах. Он, разговаривая о том поутру, сказал, что дал бы десять рублей тому, кто бы объявил ему причину сей чудной пропажи. Слух о сем дошел до Фомки, ибо он, ходя около двора одного дворянина, наведывался, что в нем происходит. Почему велел доложить о себе дворянину, что имеет до него надобность, и был допущен. Вошед, говорил он: "Я слышал, сударь, что вы желаете знать, каким образом сделалась у вас пропажа, так ведайте, что это мое дело". И требовал в награждение

обещанные деньги. Дворянин, узнав от него подробности происшедшего, сказал вору: "Постой, мой друг, увериться сему по одним словам твоим не можно. Ты должен доказать то явным опытом твоего искусства. Если украдешь ты в нынешнюю ночь с конюшни моей стоялого жеребца, я заплачу тебе обещанные деньги вдвое". -- "Очень хорошо, -- сказал Фомка, -- наше это дело". С чем от него вышел.

Дворянин, призвав своего конюшего, приказал одного жеребца чрез всю ночь держать двум человекам за поводы, а третьему за хвост. Сделавши сие учреждение, думал он: "Теперь посмотрю я, как он проворен! Хотя б то и сам сатана был, не обманет троих человек, с таковою осторожностью стерегущих коня моего".

Фомка, высмотря все распоряжение, побежал и купил целый бочонок вина, который подкатил конюхам. По счастью его были они гораздо неопасные неприятели вину. Запах одного тотчас предстал ноздрям их, по коему они, как добрые гончие собаки, добрались к бочонку и, не долго размышляя, принялись все трое оный опоражнивать. От сильного прилежания отнялись у них руки, ноги и чувства, и они, попадая на землю, отдались беспечно во власть сна. Фомка, вошед в конюшню, двоим пьяным дал в руки по поводу, привязавши узду к яслям, а третьему вместо хвоста вручил горст пеньки; жеребца ж проводил он домой. Исправя сие, пришел поутру к господину, который должен был устоять на дворянском слове, прибавив некоторый выкуп и за жеребца.

Спустя несколько дней начал Фомка звать дядю своего воровать в столицу тамошней земли короля. "Мы там можем иметь лучшие случаи красть хорошие куски, а здесь по нашему искусству добыча мала, -- говорил Фомка. -- Всякое ремесло имеет расположение, и мало-помалу доходит до совершенства. Например, подъячий, притесняя челобитчиков, берет сначала только алтынами, достигнув в секретари, счет его составляют рубли. А если учинится он судьей, что и необходимо с теми, кои искуснее грабили, тогда уже целые мешки управляют его совестью. Мы также совершили уже подвиг подъячих, алтыны и рубли у нас есть, а теперь время подражать нам старому воеводе". Дядя согласен был, и путь начат.